

A woman with long, dark, wavy hair is shown in profile, looking down. Her hair is blowing in the wind. In the background, a white lighthouse with a glowing light is visible against a dark blue night sky. The lighthouse is situated on a hill, and a small white building is partially visible next to it.

МАЯК ОСТРОВА СЕНТИНЕЛ

Таня Мин

Таня Мин

Маяк острова Сентинел

«Автор»

2026

Мин Т.

Маяк острова Сентинел / Т. Мин — «Автор», 2026

«Три года назад ты забрал моё сердце. Зачем ты снова появился передо мной? За тем, чтобы вернуть моё сердце назад? Или чтобы отдать мне своё?» История о том, как смотритель маяка острова Сентинел Мэй Картер обрела и потеряла свою любовь на краю света.

© Мин Т., 2026

© Автор, 2026

Таня Мин

Маяк острова Сентинел

Глава 1. Зачем ты снова появился передо мной?

Мэй ёжится от холодного морского ветра и думает, что надо было накинуть куртку. Поднимает глаза вверх и видит, как небо над островом затягивается тяжёлыми серыми тучами. Значит, маяк сегодня нужно будет включить раньше часа на два. Она вновь передёргивает плечами от холода, когда возвращает взгляд небольшому торговому судну, которое сейчас швартуется на причале.

В её аскетичном, одиноком образе жизни, который Мэй сама выбрала ещё шесть лет назад, посторонние люди появляются редко. Смотритель маяка острова Сентинел, двадцативосьмилетняя Мэй Картер лишь в уединении чувствует себя комфортно. Она живёт прямо здесь, в домике с мансардой при маяке. Конечно, полностью отрезать себя от мира она никогда не желала, поэтому, кажется, даже получает какое-то подобие удовольствия, когда раз в две недели выезжает в деревню на острове, чтобы закупиться продуктами, предметами быта и заправить свой старенький хендай. Там же, в деревне, живёт техник, который навещается на маяк раз в неделю, чтобы проверить исправность оборудования и которого можно вызвать в случае чп.

В этот ограниченный круг людей, с которыми Мэй вынуждена контактировать, сегодня на несколько дней войдёт ещё один посторонний. Один раз в год штаб-квартира Береговой охраны США присылает из Вашингтона инженера, который врывается в размеренную жизнь смотрителя маяка, чтобы провести техническое освидетельствование всех систем.

Глядя на торговое судно у причала своего острова, на котором прибыл инженер, Мэй думает, что может всё будет не так уж и плохо. Иногда пообщаться с людьми с «большой земли» даже интересно и, если повезёт, этот человек уедет быстрее, чем его общество до смерти надоест необщительной Мэй Картер.

«Да, — думает Мэй, — возможно, это будет даже любопытно. Разок разделить с кем-то ужин и послушать истории о жизни в городе».

Девушка даже немного приободряется от таких мыслей, её уголки губ поднимаются. Однако надежда на приятное (или хотя бы необременительное общество) разбивается, как заплутавший корабль о рифы, когда в спускающемся по трапу инженеру она узнаёт человека, которого думала никогда вновь не увидеть.

На Мэй вмиг нападает нездоровый жар волнения, ладони отвратительно потеют, а в животе начинает противно крутить от нервов. Она шурит глаза, вглядывается в приближающегося к ней человека, который тащит в руках небольшую дорожную сумку и, к несчастью своему, убеждается, что не обозналась.

Это действительно *он*.

Мэй сглатывает шумно, вытирает предательски вспотевшие ладони о штаны, пока наблюдает, как человек из прошлого медленно подходит, не сводя с неё глаз. Как останавливается в паре метров, разглядывая застывшее от неожиданной, совершенно оглушительной встречи лицо зрителя маяка. Как нервно облизывает губы. Как мнётся с ноги на ногу — тоже нервничает?

— Здравствуй, Мэй... — после неловкой паузы заговаривает человек, которого тут же прерывает дрожащий голос.

— Добро пожаловать на остров Сентинел, — Мэй дёргано кивает головой. — Я зритель маяка Мэй Картер. Прошу следуйте за мной. Я покажу, где Вы можете расположиться.

Выпалив эти слова, Мэй резко разворачивается и едва ли не бежит в сторону дома. В ушах так шумит, что она не слышит, раздаются ли за её спиной шаги, но обернуться не может. Не в силах. Ей безумно хочется залететь в свою комнату, запереться и просто отдышаться. Успокоить бешено колотящееся сердце, выровнять пульс и заглушить этот отвратительный гул в голове. Но она должна показать гостю комнату на мансардном этаже. Хотя, честно признаться, тот вряд ли забыл туда дорогу.

Господи... От внезапно нахлынувших воспоминаний о том, что происходило в той комнате три года назад, сердце Мэй перестаёт бешено биться — теперь оно просто останавливается от ужаса и стыда. Замирает. Нет, нет, нет, нельзя думать об этом сейчас. Нельзя паниковать. Нельзя показывать этому человеку, насколько взволновала Мэй встреча с ним.

«Не будь такой жалкой! — воет внутри Мэй. — Только не перед ним, только не перед ним!»

Остановиться удаётся лишь у лестницы на мансардный этаж. Мэй впивается пальцами в перила, прикрывает глаза, делает несколько глубоких вдохов прежде, чем обернуться. Она знает, она чувствует, что мужчина стоит позади неё. Кажется, она даже слышала сквозь шум в голове, как за спиной хлопнула входная дверь.

С непомерным желанием провалиться сквозь землю или просто умереть прямо на этом месте, Мэй всё же поворачивается. Видит, как гость мнётся у дверей, теребя в руках дорожную сумку. На лице его — таком же красивом, как и *тогда* — растерянность.

— Я... Я помню, куда идти, — неуверенно произносит гость. — Не утруждайтесь и не провожайте меня, уважаемый зритель маяка Мэй Картер.

Мужчина делает несколько шагов к лестнице и замирает в жалком полуметре от напряжённой Мэй, ожидая, что та отойдёт в сторону. Девушка с трудом расслабляет пальцы, побелевшие от того, насколько сильно она сжала ими перила, отступает в сторону, отчаянно отводя взгляд куда угодно, лишь бы он не упал на гостя. Перестает дышать в момент, когда тот проходит мимо, в несчастных двадцати сантиметрах, слегка задевая Мэй сумкой и совершенно бессовестно топя смотрителя маяка в запахе своего чёртового парфюма, который — как же Мэй вытерпеть это должна?! — всё тот же, что и три года назад.

Девушка отворачивается к окну, сжимает пальцы в кулаки и ждёт, когда начнут раздаваться шаги по лестнице. Но вместо них за спиной вновь звучит голос инженера. Тихий, но уверенный, утративший ту растерянность, которая была в нём еще минуту назад:

— Кстати, я Дерек Левис. Впрочем, Вы итак это знаете.

Мэй стоит на смотровой площадке маяка, подставляет лицо холодному ветру, разглядывает беспокойную морскую гладь. Она сбежал сюда сразу же, как Дерек Левис поднялся на второй этаж. Здесь, на высоте сорока метров над землей, где кажется, что ты можешь дотянуться до неба, где мирская суeta стихает, позволяя слышать только свои мысли и голос сердца, Мэй может выпустить эмоции и успокоиться.

Она десятки, а может, и сотни раз за последние три года стояла здесь, пытаясь заглушить тоску разбитого сердца. Именно здесь громче всего плакала её душа. Именно здесь она однажды отчаянно колотила руками по облезлым стенам маяка до тех пор, пока не содрала до крови кожу. Именно здесь она потом сидела на холодном полу, прижимая к груди колени, и рыдала. Громко, протяжно, как раненый, брошенный погибать зверь. Ненужная. Жалкая. И одинокая.

Мэй бросает взгляд вниз, на маленький домик, где прямо сейчас на втором этаже находится Дерек Левис. Что он делает? Возможно, раскладывает свои нехитрые пожитки на прикроватной тумбочке. Возможно, смотрит в мансардное окно, из которого видно море. А быть может, там, в той маленькой комнатке со скошенной крышей, он прямо сейчас глядит на скромно застеленную кровать в углу и вспоминает, как однажды на ней было неудобно и тесно, но до мурашек восхитительно...

Мэй прикрывает глаза. Чувствует, как на кожу падают маленькие капли начинающегося дождя. Хочется кричать. Да, как прекрасно было бы сейчас закричать во весь голос, как она делала множество раз, тогда, три года назад, выпуская из себя боль и отчаяние.

Но она сдерживается, потому что не знает, не услышит ли её крик человек там, внизу. Человек, которому совершенно не нужно знать, что Мэй до сих пор больно...

Она спускается вниз и возвращается в дом спустя почти час, перед этим включив маячный фонарь и проверив сирену. Промокшая до нитки, но немного пришедшая в себя после неожиданной, нежеланной встречи с прошлым. Мэй могла бы торчать на маяке до глубокой ночи,

лишь бы не видеть больше Дерека, но ей нужно позаботиться об ужине, чтобы мистер инженер не остался голодным.

Она входит в собственный дом, как вор, озираясь вокруг в напряжении, и выдыхает с облегчением, когда не видит Дерека на первом этаже. Проскальзывает в свою комнату, принимает душ, переодевается. Мнётся у дверей, держась за ручку не менее минуты, прежде, чем выйти в гостиную, совмещённую с кухней. Снова немного расслабляется, когда находит её пустой. Когда готовит простой ужин, неосознанно вслушивается в звуки, доносящиеся сверху, но их почти нет. Лишь пару раз скрипнул стул и, кажется, открывалось окно.

Внутри всё стянуто жгутом напряжения от мысли, что в любой момент Дерек может спуститься вниз. Мэй в любой момент может услышать его голос. Увидеть его лицо. Почувствовать его чёртов запах. Ей кажется сном или галлюцинацией то, что спустя три года этот человек снова здесь. На её острове. В её доме. В её жизни.

Этого не должно было произойти.

Мэй этого не хотела.

И одновременно хотела больше всего на свете.

Когда еда уже стоит на столе, девушка бросает взгляд на лестницу. Дерек так и не спустился, и Мэй теряется, не знает, что делать с ужином. Мнётся в растерянности, но всё же собирается с духом и медленно поднимается на второй этаж. Каждый шаг вверх сопровождается гулким ударом сердца.

Уже стоя у двери, за которой находится Дерек, она выдыхает громко и больно, потому что поверить не может, что вновь будет вынуждена смотреть в эти глаза. Ненавистные глаза. Самые красивые глаза, которые она когда-либо видела в жизни.

Мэй стучит, ждёт и, когда за дверью раздаётся запоздалое «да», открывает её, но не ступает за порог.

— Кххм, — она прочищает горло, бросает короткий взгляд на Дерека, который сидит за столом и прячет под ладонями какой-то блокнот.

— Я накрыла ужин. Внизу. Вы... Вы спуститесь?

— Да, — получает лаконичный ответ. — Спасибо.

Мэй кивает головой, тихо прикрывает дверь, выдыхает, зажмурившись. На ватных ногах идёт вниз. К моменту, когда Дерек спускается следом, Мэй успевает сложить на поднос порцию еды для себя, чтобы поесть в комнате.

Она держит несчастный поднос в руках, чувствуя, как мерзко вновь дрожат пальцы, как спирает в груди от волнения, как горит лицо. Смотрит на Дерека и безумно хочет уже уйти, но ноги словно прирастают к полу, когда она видит, как её гость, бросив взгляд на поднос, а затем на накрытый стол — накрытый на одного человека — хмурит брови, поджимает губы, вцепляется руками в края своей кофты.

— Я буду один ужинать? — непонимающе спрашивает Дерек.

Мэй лишь кивает головой, не способная вымолвить ни слова, проклиная себя за слабость, и лишь крепче сжимает металлические края подноса, чтобы он, не дай бог, не выпал из слабеющих рук.

— Понятно, — разочарованно выдыхает мужчина.

Мэй наконец-то отрывает ноги, которые словно свинцом налиты, и неуклюже шагает в свою комнату. Но уже у самой двери останавливается, когда режущий сердце на лоскуты голос снова разрывает тишину гостиной:

— Раньше мы вместе ужинали.

— Не буду Вам мешать, извините, — бормочет Мэй, не обернувшись, и скорее скрывается в собственной спальне, из которой не выходит до самого утра.

Как бы Мэй не хотелось исчезнуть с лица земли или стереть с неё свалившегося на её голову Дерек Левиса, контактировать им всё же приходится. Утром, после завтрака, который инженер вновь ест в одиночестве, девушка сопровождает Дерек на маяк. Мэй рада, что ей не нужно ничего говорить, не нужно показывать, где располагается оборудование, не нужно объяснять правила безопасности, потому что Дерек всё это уже знает. Потому что Мэй уже всё это рассказывала три года назад, когда инженер Левис впервые приезжал с той же целью — проверить, всё ли на маяке работает, как должно.

Погода за ночь испортилась ещё сильнее, поэтому пока они бегут от дома до маяка несчастные пятьдесят метров, успевают вымокнуть. И если Мэй предусмотрительно надела высокие сапоги и дождевик, то Дерек в своей короткой куртке и замшевых ботинках выглядит сейчас невероятно не к месту. Оказавшись в сервисной, мужчина сразу стягивает с себя мокрую куртку и вешает её на одинокий крючок на стене. Он встряхивает волосами, и с мокрых прядок летят капли воды, зачёсывая их назад, открывая лоб. Мэй могла бы залюбоваться этим бесспорно красивым и открытым теперь лицом мужчины, но внимание её сосредоточено на другом — под курткой у Дерек надета лишь одна футболка, в которой работать на маяке несколько часов в такую погоду точно нельзя. Мэй тихо вздыхает и, не сказав ни слова, выходит и бежит обратно в дом. Сорвав с вешалки у двери тёплую парку, она на секунду замирает, испугавшись своего намерения.

Нормально ли принести Дереку куртку?

Не будет ли это воспринято неверно?

Не посмотрит ли Дерек на неё, как на идиотку?

Всё же убедив себя в том, что она сделала бы это и для любого другого человека, Мэй забирает куртку и, вновь войдя спустя пять минут в сервисную, где Дерек уже ковыряется в аппаратуре, подходит со спины и в попытке привлечь внимание инженера неловко кашляет. Но увлечённый работой Дерек не слышит этого жалкого кряхтения, поэтому Мэй, чувствуя, что щёки начинают гореть каким-то адским огнём от стыда, протягивает руку и хлопает того

по плечу. Мужчина мгновенно оборачивается, вопросительно смотрит на Мэй, неуверенно прижимающей к себе куртку.

— Я принесла... вот, — бормочет Мэй, протягивая парку и мысленно проклиная себя и свою глупую, позорную робость перед человеком, на которого её тело, сердце и душа какого-то чёрта до сих пор реагируют предательски бурно.

И Мэй становится только хуже — мучительно плохо и тоскливо — когда Дерек вдруг улыбается. Так искренне, так просто, так открыто, словно не было между ними только что никакой неловкости и не было между ними никогда никакой боли.

— Спасибо, Мэй, — он забирает из рук девушки куртку, надевает её и делает невероятно бессовестную вещь: даже не дождавшись, пока Мэй отвернётся или уйдет — подносит ворот куртки к лицу и вдыхает запах её хозяйки, зажмурив глаза.

И Мэй кажется, что она умирает в этот момент.

День проходит относительно спокойно для Мэй, потому что Дерек торчит на маяке, выполняя работу, ради которой его прислали, и появляется перед девушкой только один раз, когда приходит обедать. Делать ему это снова приходится в одиночестве. К вечеру дождь успокаивается, и Мэй идёт прогуляться по берегу, но очень скоро жалеет об этом. Потому что сейчас, когда совсем рядом находится Дерек, память услужливо подкидывает ей воспоминания о том, как когда-то они делили такие прогулки на двоих.

Но возвращаться в дом хочется ещё меньше, потому что там на неё накатывает отвратительное, мерзкое волнение, которое полностью не угасает, даже когда она запирается в своей комнате. Присутствие Дерекки действует на неё угнетающе. И хочется как можно дольше находиться вдали от него. Но позже, включив маяк и проверив сирену, что смотритель делает ежедневно в одно время, Мэй всё же плетётся по каменной дорожке домой, рассчитывая быстро сообразить ужин и спрятаться до утра.

Она удивлённо замирает, едва переступив порог, когда видит, что Дерек сидит за накрытым на двоих столом и тербит руками салфетку. Мэй отворачивается к вешалке для одежды и начинает медленно стягивать с себя куртку.

Мандраж, такой колющий, скользящий по коже острыми лезвиями, нападает на девушку, как только он понимает, что Дерек ждал её.

Ждал, чтобы вместе поужинать.

Нет, нет, нет! Мэй не сможет этого сделать. Не сможет сидеть напротив. Кусок в горло протолкнуть не сможет. Да она дышать даже не сможет рядом с ним!

— Я немного похозяйничал, — нарочито весело звучит голос Дерекки, вот только волнение в нём ревет громче, чем сирена маяка. — Поужинаем, мисс смотритель маяка?

— Я не хочу, спасибо, — выдавливает из себя Мэй, вешая куртку. Под звук сходящего с ума сердца, которое, кажется, взорвётся раньше, чем этот мужчина покинет остров, она быстро семенит к спасительной двери, за которой сможет спрятаться, залезть под одеяло и съежиться несчастным грустным комочком.

— Мэй, пожалуйста, — умоляюще врезается в спину убегающей девушки, которая замирает лишь на секунду, но потом снова срывается и через пару мгновений уже захлопывает за собой дверь.

Мэй прислоняется к ней спиной, кладёт руку на грудь, в которой так горячо сейчас, что, кажется, даже кожа нагрелась, и думает, что такой беспомощной и беззащитной, как в последние сутки, она не чувствовала себя никогда в жизни.

— Могу я принять душ?

Собственная спальня теряет даже подобие спасительного убежища, когда Дерек заходит в неё, постучавшись, но не дождавшись разрешения войти, спустя пару часов после позорного побега Мэй.

Ей стоило ожидать, что рано или поздно Дерек задаст этот вопрос, потому что единственная ванная комната в маленьком береговом домике находится именно в её спальне.

— Да-да, конечно, — суетится Мэй, соскочив с кровати, на которой только что лежала, отвернувшись к стене. — Можете вернуться минут через десять? Я сейчас только там кое-что уберу.

— Бельё с морскими звёздами? — усмехается мужчина, но тут же замолкает и стирает улыбку с лица, пристыженный ошарашенным взглядом Мэй, которая от такой наглой, бесстыжей и бессердечной шутки готова задохнуться.

— Выйдите, — сердито произносит она. — Приходите через десять минут.

— Прости, я... — Дерек огорчённо поджимает губы. — Прости.

Когда дверь тихо закрывается, Мэй, оставшись одна, прячет лицо в ладонях, чувствуя, как оно горит от стыда, а сердце — от негодования.

Как этот человек смеет так шутить?

Как смеет открыто говорить о том, что помнит такие вещи?

Как смеет шутить над тем, что когда-то — кажется, в прошлой жизни — они были настолько близки?

Дерек возвращается ровно через десять минут, держа в руках полотенце и прозрачную сумочку с принадлежностями для душа. Он, кажется, порывается сказать что-то, но Мэй не

даёт ему ни малейшей возможности, бросив «проходите» и покинув комнату за считанные секунды. Она достаёт из шкафа чашку и ставит чайник, но почти сразу выключает его и бросается к вешалке, чтобы одеться и сбежать из дома. Потому что неожиданно и совершенно бесконтрольно в её голову приходит мысль, что прямо сейчас, за стеной, в её ванной комнате, среди её вещей стоит под душем совершенно обнаженный Дерек. Одна секунда — и в воспалённом мозгу возникает неприличный образ того, как по голым плечам, спине, бёдрам мужчины стекает вода. Как он водит мочалкой по влажной коже. Как подставляет лицо под струи душа. Как распахивает губы, выдыхая.

Мэй бежит быстро в сторону маяка, чтобы забраться на смотровую площадку и всё-таки позволить себе заорать во весь голос, чтобы её крик отчаяния, непреходящей уже три года боли и безответного чувства, которое, кажется, умрёт только вместе с Мэй, прокатился по всему Атлантическому океану.

Весь следующий день вновь льёт дождь, прекращаясь лишь ненадолго. Глядя в окно кухни, Мэй грустно усмехается, подумав, что небо, наверное, плачет вместе с ней из-за терзающей её встречи с человеком из прошлого, ведь две недели до приезда Дерека Левиса на острове стояла прекрасная летняя погода. Из мыслей её выдёргивают быстрые шаги по лестнице и последовавший за ними бодрый голос:

— Мэй, ты готовишь ужин? — Дерек подходит, встаёт рядом — преступно близко — опирается бедром о столешницу и, бросив взгляд на нож и редис в руках девушки, предлагает: — Давай я помогу?

— Спасибо, мистер Левис, не нужно, — не отрывая взгляда от скользящего по коже редиса острого лезвия, отвечает Мэй.

Она мысленно молится о том, чтобы напряжение, которое пронзило всё её тело в этот момент, было незаметно со стороны.

— Да брось, — дружелюбно пытается настоять гость. — Я могу что-нибудь почистить. Что тут у тебя? — мужчина наклоняется ближе, чтобы дотянуться до блюда с овощами, крутит в руках морковь, изображая интерес к продуктам, пока Мэй начинает задыхаться от ударившего в нос аромата знакомого парфюма и чужой кожи.

Девушка замирает с ножом в руках и даже на мгновение зажмуривает глаза от этой пытки воспоминаниями. Такой сладкой и такой мучительной одновременно.

— И, пожалуйста, называй меня просто Дерек, — ласковый голос выдёргивает Мэй из её мимолётного дурмана, и она широко распахивает глаза, осторожно переводит взгляд на мужчину, который уже бросил разглядывать овощи и теперь разглядывает её саму. — Ты же знаешь моё имя, к чему этот официоз?

Мэй не находится с ответом. Лишь вновь возвращает внимание редису и принимается усердно его чистить. Ей странно стоять вот так просто, на собственной кухне, чистить овощи и слышать бархатный голос Дерека рядом. Когда-то давно она — какая же дура — позволила себе помечтать, что они будут всю жизнь вот так вместе готовить ужин, болтать о неважном и планировать, какое новое блюдо приготовят на следующей неделе. Сейчас воспоминания об

этих глупых мечтаниях вызывают у Мэй лишь нервный смешок, который она, не сдержавшись, выпускает. Дерек, вероятно, воспринимает его как одобрение, поэтому вновь тянется к овощам и задевает плечом Мэй.

— Не надо! — девушка отшатывается в сторону, словно обожглась о чужую кожу, видит на лице мужчины недоумение и хочет поскорее избавиться себя от этого удушающего общества. — Идите отдыхайте, мистер Левис.

— Дерек, — настойчиво пытается поправить её мужчина, весёлый настрой которого тает на глазах, и Мэй отчего-то чувствует вину.

— Мистер Левис, — упорствует она, возвращаясь к истерзанному овощу, который чистит сейчас совсем уж агрессивно, сдирая целые куски. — Ужин — моя забота. Не надо ничего.

— Да почему ты такая... вредная? — без злобы, скорее с нотками грусти в голосе спрашивает Дерек. — Это всего лишь готовка. Мы можем даже не разговаривать, я просто помогу.

Мэй набирает целую грудь воздуха, потом медленно выпускает его через ноздри прежде, чем позволяет себе немного искренности, которая, она надеется, поможет как можно скорее остаться в долгожданном одиночестве и спокойно доготовить этот чёртов ужин, отдавшись тягостным мыслям.

— Мне некомфортно рядом с Вами, — негромко проговаривает Мэй, не поднимая глаз, однако чувствует, как Дерек после этих слов отступает на шаг назад. — Извините, мистер Левис, позвольте мне остаться одной. Пожалуйста.

В ответ девушка получает лишь судорожный вздох со стороны, словно адресат её искренности порывался что-то сказать, но не смог, затем быстрые тяжёлые шаги к лестнице и по ней и громкий хлопок двери на мансардном этаже, от которого Мэй вздрагивает всем телом.

— Я хочу подняться на смотровую площадку. Проводите меня, мисс смотритель маяка.

Дерек стоит на крыльце берегового домика с планшетом в руках и вопросительно, в ожидании реакции глядит на Мэй, которая сидит на крыльце, куда сбежала, чтобы в очередной раз оставить гостя завтракать в одиночестве.

— Вы же знаете дорогу, — неуверенно отвечает девушка, повернув голову на Дерека, который сейчас возвышается над ней.

— Разве Вы не должны оказывать мне содействие? — мягко улыбается мужчина, перекладывая из одной руки в другую серебристый планшет.

Мэй нехотя поднимается, прекрасно понимая, что никакое сопровождение Дереку не требуется. Он был на смотровой площадке уже не один раз. Но правда в том, что Мэй не хочет спорить, не хочет вступать в диалог, вовсе не хочет говорить. Будет проще подняться вместе на высоту сорока метров, не проронив ни слова. Она передвигается широкими шагами, Дерек следует за ней, почти не отставая. Когда они поднимаются по лестнице, Мэй впервые за долгие

годы думает о том, что она чудовищно длинная. Сколько тут ступенек? Тысяча? Две тысячи? Путь вверх кажется бесконечным, потому что прямо позади, расточая свой божественный аромат, дыша как-то слишком громко в этой гробовой тишине маяковой башни, идёт Дерек. Мэй ощущает близость чужого тела, отчего хочется взвыть и слушать, как этот несчастный вой будет эхом отскакивать от бетонных стен.

Когда Мэй распахивает дверь на смотровую площадку, она глубоко вдыхает влажный морской воздух. Бросает взгляд на небо и понимает, что скоро начнётся дождь. Снова. Отступив в сторону, она пропускает Дерек, который ставит планшет к стене, подходит к перилам и, опираясь о них, с нескрываемым восторгом смотрит на море. Мэй не знает, сколько это длится, потому что безбожно заливается на чужом лице. Любуется улыбкой удовольствия, густыми ресницами, которые медленно опускаются и вновь так же медленно поднимаются, пухлыми губами, которые слегка приоткрыты сейчас.

Несправедливо красивый.

Зачем ты настолько красивый, если не можешь быть моим?

Мэй встряхивает головой, пугаясь собственных мыслей. Думает, что, наверное, так на неё действует повышенная концентрация кислорода на этой высоте.

— Здесь тебе хорошо. Да, Мэй? — Дерек оборачивается. — Ты говорила, это лучшее место для твоей души. Может, здесь мы сможем поговорить?

Мэй напрягается, промаргивается, глядя в ответ на мужчину, который уже полностью развернулся к ней. Мелкая дрожь пробегает вдоль позвоночника. Внутри всё затягивается в узел. Болезненный узел волнения, который причиняет почти физическую боль.

— Поговори со мной, — просит Дерек, не двигаясь с места, впиваясь взглядом в растерянную девушку.

Но Мэй не хочет отвечать. Не хочет говорить. Не хочет чувствовать.

— Слушай, — Дерек делает шаг навстречу, но, заметив, как испуганно дёрнулась девушка, останавливается. — Когда я плыл сюда, я не ждал ничего грандиозного.

Каждое слово откровенности, как пушечное ядро, с ударной силой вбивается в напряжённую грудь Мэй. Ей кажется, что воздух перекрыли, и теперь он поступает маленькими порциями, жалкими глотками, которых критически не хватает.

— Я понимаю, прошло много времени, — продолжает Дерек мягким, но немного дрожащим голосом. — Я знаю, что всё давно потеряно. Я просто думал... — он выглядит растерянным и печальным. — Я не собирался мучать тебя какими-то ненужными воспоминаниями или... Я просто хотел увидеть тебя. Узнать, как ты живешь. Узнать, что у тебя всё хорошо.

Мэй бежит испуганным взглядом по бетонному полу смотровой площадки, сжимает пальцы в кулаки в карманах куртки, двигает ногу назад буквально на жалкие миллиметры, осознавая, что ещё немного, ещё чуть-чуть, самую малость — и она бросится бежать, как последняя трусиха.

— Но ты даже не смотришь на меня, — продолжает Дерек, и голос его, густой, обволакивающий, становится всё печальнее с каждым новым словом. — Бежишь от меня. Даже двух минут рядом не можешь находиться.

«Вот сейчас, — думает Мэй, — сейчас я развернусь и убегу к чёртовой матери».

— Честно, я не знаю, чем это заслужил, — лёгкий упрек проскальзывает в низком голосе мужчины, и это не остается незамеченным.

— Мистер Левис, если Вам не нужна моя помощь с маяком, я... — торопливо бормочет девушка, не слыша собственного голоса из-за истеричного вопля сердца, которое грохочет уже где-то в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.